

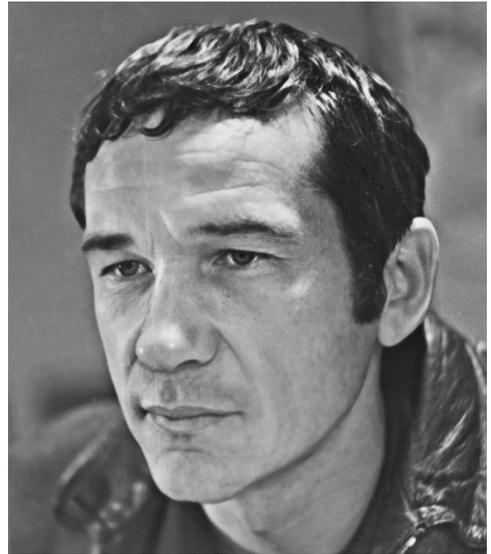
Лит.: Шкулев Ф. Душа-человек // Северное утро. 1917. № 45; Белоусов И. А. Литературная Москва. Писатели из народа. М., 1926. Писатели совр. эпохи. Библиогр. словарь русских писателей XX в. М., 1928; Репринт: М., 1992; Назаров И. А. Встречи и письма. Владимир, 1957; Ковалев В. А. Поэт-суриковец М. Л. Леонов // Русская лит.-ра. Труды Отдела новой русской литературы. Т. 1. М.; Л., 1957; Телешов Н. Д. Записки писателя. М., 1958; Леонова Н. Из воспоминаний // Леонид Леонов в воспоминаниях, дневниках, интервью. М., 1999.

Т. М. Вахитова

ЛЕОНО́ВИЧ Владимир Николаевич [2.6.1933, Кострома] — поэт.

В 1951 учился в Одесском высшем мореходном училище, в 1952–54 — в Военном ин-те иностр. яз. (Москва), после службы в армии работал на Красноярской железной дороге, в многотиражной газ. Западно-Сибирского завода. 1956–62 — учеба (очно и заочно) на филол. ф-те МГУ, который не окончил, уйдя с 5 курса. После недолгой работы в редакции ж. «Лит. Грузия» учительствовал в с. Никола Костромской обл., выпустил свой класс в 1973. Плотничал в той же и Кировской обл., «мужиковствовал» много лет в карельской д. Пелус-озеро, на кладбище которой построил в 1988–90 часовню. Л. удостоен экологической премии «Водлозерье». «Это — высшая моя награда» (письмо Л. автору). Трудовые «ун-ты» Л. предопределили жизненность худож. поисков, глубокую укорененность его творчества в народной почве.

Первые журнальные публикации стихов Л. относятся к 1962 (Алтай. № 4; Молодая гвардия. № 6), первый сб. «**Во имя**» выходит в Москве (1971). Его стихи любила Л. К. Чуковская, их знали и писали о них поэты Б. Слуцкий, А. Межиров, Н. Панченко, Д. Самойлов, Е. Евтушенко, Т. Бек, критики И. Дедков, С. Чупринин, И. Роднянская, С. Соложенкина, А. Турков, Г. Маргвелашвили и др. Своими «родственниками» по лит. цеху Л. считает А. Жигулина, Б. Чичибабина, Ф. Искандера, О. Чухонцева. Им он посвящает стих., запечатлевает в портретном жанре, как и В. Шаламова, Дм. Голубкова, В. Львова, С. Дрофенко, Б. Окуджаву, И. Дедкова, лауреатом премии которого Л. является. Значительную роль в духовном становлении Л. сыграл А. Т. Твардовский. С ним молодой поэт сблизился в 1964, когда, не имея пристанища, зимовал в Подмоскovie, на Красной Пахре, где находилась дача Твардовского. Л. присутствовал и на последнем дне рождения умирающего писателя.

В. Н. Леонович

Ему Л. посвятил большое стих.-воспоминание, истолковывая сложную, трагическую судьбу Твардовского как руководителя ж. «Новый мир». В изображении Л. герой стих.— «последний рыцарь государства, и мученик, и фантазер»,— пророк «свободы», что «рвется изнутри». Близко по пафосу цитированному и стих. Л. «**Тависуплеба**» (свобода — по-грузински) — о трагическом выборе Галактиона Табидзе, искупившего самоубийством стыд приспособленчества мн. «мастеров культуры» в советские годы. В своих стихах и публицистике Л. всегда отстаивает духовную и творческую независимость писателя. Л. много переводит из грузинских поэтов (Г. Табидзе, О. Челидзе, О. Чиладзе, Ш. Нишнианидзе, И. Абашидзе М. Квливидзе и др.), отсюда прочные связи с Грузией, постоянная грузинская тема в стихах Л. В СП СССР Л. был принят в 1974, но в конце 1990-х вышел из него, сторонясь столичных «тусовок и самолюбий» (письмо Л. автору). Теперь Л. живет в родной Костроме, однако выпускает в Москве совместно с друзьями лит.-худож. альм. «Предлог». Л. также составитель (вместе с Б. Шенталинским) сб. «возвращенной» лит.-ры «За что? Проза, поэзия, документы» (М., 1999), автор предисл. к этой публикации наследия репрессированных писателей России.

В 1980-е Л. удалось выпустить только один сб. оригинальных стихов. Зато в период перестройки его печатают мн. столичные ж. и альм. Л.— постоянный автор «Лит. Грузии» и «Дружбы народов», «Знамени» и «Нового

мира». Этапной, свидетельствующей о творческой зрелости и самобытности Л.-поэта, следует считать его книгу стихов **«Хозяин и гость»**, вышедшую двумя изданиями (1997, 2000). Книга эта демонстрирует осознанную опору поэта на русскую историю и культуру, что было заявлено и ранее, в предыдущих сб. Л. принадлежат глубокие стихи о Баратынском (это его кумир среди классиков), Батюшкове, Пушкине, художнике А. Иванове, композиторе Мусоргском. «А был Модест Петрович / Учитель первый мой, / Его я крови крович, / Ближайший и прямой».

В «Хозяине и госте» акцентированно звучат мотивы связи сегодняшней России с древней ее прародительницей — «святой Русью». Так, в стих. **«Диалог»** (диалог между поэтом и Богом) автор уподобляется средневековому летописцу: «Книгу доблестных житий / Перепиши набело: / Много важных забытий / Исторических произошло. / Перепиши ничейныя. / Ложныя, отреченныя, / Синодальным крестом / Придавленныя / Чудеса и предания — / Слышишь стон? — / Сложишь в стол». И в др. случаях Л. вводит древнерусский язык в совр. речь, давая, например, голос «лесьному народу»: «Предкам верен материнским, / Что поделатъ — весь я тут, / токмо образом звериньским / ти живяху — и живут», Л. как бы взял на себя миссию реставратора по существу утраченной христианско-деревенской культуры, вслед за высоко ценным им Н. Клюевым («Беспорный и самый полномочный представитель уходящей великой крестьянской культуры», — утверждает он в послесл. к сб. «Хозяин и гость» (2000). Л. пишет о разрушенных часовнях и соборах, об их защитниках и хранителях, о мучениках веры. Таков стихотворный рассказ **«Памяти отца Феодосия Чулкова, священника Николо-Вознесенской церкви»** на Вохме. Предыдущая деревянная церковь сгорела «со звоном», о чем сообщает В. Даль в своем словаре, в статье «Звон». «А колокол, что уцелел в огне, / Повержен вновь, да с колокольной вместе»... Как трагический эпиграф к этим и др. подобным стихам звучит возглас автора: «Надолго ли в отечестве моем / Колокола и песни отзвучали?» Ведь последствия искоренения христианской веры и культуры кажутся необратимыми: «развезя пепел родословных книг», колокол затоплен, уж много лет «в подушке торфяной». Село не помнит про Феодосия, что был «крестьянской памяти хранитель», живет лишь «поденною нуждою», «враждой кровавой сердце огрубя». И все же поэт слышит по весне «гул подземный» невидимого, но живого колокола,

замечает, что «здесь на отдых облака садятся», ведет с ним разговор, исполненный символической значимости.

Нередки в новых книгах Л. картины обнищавшей крестьянской России, спившейся от отчаянья, колоритные фигуры, ее представляющие. Таков Олеша Чулков с его «кряхтением-оханьем: дак ой... дак — оох!» «Так дышит мой народ», — с грустью констатирует поэт. В стих. **«Устами младенца»** изображена северная изба: не топлена, «ребяенок полутора-двух на соломенной голой подстилке», пьяные родители. «Что тут, право? Такой кавардак! / И мальчишка зареван. Однако / Он кричит — по-карельски, никак? — / Ох, по-русски совсем: — ИДИНАККУЙ!» Л. искусно пользуется языковым натурализмом в оригинальном жанре стихотворной «записи», когда слово дается как будто случайному народному персонажу, чаще женщине-крестьянке: доярке, ласково разговаривающей с коровами, какой-нибудь Агриппине, бредущей по сугробам «в обхватоцку с козлухой», малограмотной матери, составляющей «писёмушко» в тюрьму своему незадачливому сыну: «Здрастуй Ванюшка мой сынушко бажонный / На два годика нешто посажонный / Говорят невиноватый ты Ванюшко / Кланяется тебе твоя мамушка». Тем самым Л. стремится запечатлеть сам строй народной души. «Так в складе русского ума жива поэзия сама». Он настаивает на неизбежности подобного «расширения поэтики»: «Ведь Родина наша стихами дышит как жабрами» (послел. к сб. «Хозяин и гость», 2000).

В числе драматических и незабываемых уроков прошлого, осмысляемых в стихах Л., — кровь невинных, что, по мысли автора, тяжело ложится на всех россиян, на новые поколения. Имеются в виду и жертвы «бутырок, лубянок», расстрельных подвалов, полигонов, лагерей, «воистину не вы погибли, а мы. И вся тут простота». Размышления о тяжком историческом пути страны рождают строки, утишающие боль, но не отменяющие презрения к палачам, к «безобразью сброда», до сей поры готового кричать «распни!» Это стихи, близкие по своей эмоциональной ауре картинам любимого поэтом живописца М. Нестерова: «Русая Русь моя, в черный квадрат / Черти заталкивали, стократ — / Полно, тебя ли? / Матовый свет на лице, словно рис. / Не осквернили торжественных риз, / А ведь ногами топтали...»

С темой будущего соприкасаются у Л. представления об очистительной роли искусства, «откровенья Слова», несущего свет бо-

жественной истины. «В отечестве своем себя не урони, поэт! И на Руси поэт себя не ронит». Для Л. важно освоение «всего наследства родового», в т. ч. включение себя, знающего «имя прадедово», в единую цепь «жребия русского» — трагического, но значительного.

Соч.: Во имя: стихи. М., 1971; Нижняя Дебря: стихи. М., 1983; Время твоё: Переводы из грузинской поэзии. Стихи о Грузии. Тбилиси, 1986; Явь: стихотворения. М., 1993; Хозяин и гость: Книга стихов. СПб., 1997; Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2000; Далёко, знать, Воушка: рассказ // Родина. 2004. № 4.

Лит.: Слуцкий Б. Об одном молодом поэте // Юность. 1973. № 10; Истогина А. Продолжение достоинств... Чернов А. Недостатки или своеобразие? Обсуждение сборника Леоновича «Нижняя Дебря» // Лит. обозрение. 1985. № 6; Зобин Г. Горное эхо // Лит. обозрение. 1987. № 12; Славникова О. В поисках оригинала // Новый мир. 1998. № 6; Курбатов В. За мною — жизнь // Леонович В. Хозяин и гость. Книга стихов. М., 2000.

Ю. П. Иванов

ЛЕСКОВ Андрей Николаевич [12(25).7.1866, Петербург — 5.11.1953, Ленинград] — прозаик, профессиональный военный.

Сын Н. С. Лескова. Азы грамотности постиг по старославянской Библии под руководством отца, от которого унаследовал чувство слова и красноречие. Учился в частной школе Е. С. Ивановой (1872–77), в 3-й военной гимназии. После разрыва родителей с 11-летнего возраста воспитывался отцом, испытал иго его страстной, мятущейся натуры, остро реагировавшей на общественные и лит. события. С детства был спутником отца в путешествиях по Петербургу, по букинистам, антикварам, кельям иконописцев и мастерским художников, в родном доме увидел мн. деятелей русской лит-ры. Окончил Николаевский кадетский корпус, Киевское пехотное училище, 2-е Константиновское военное училище. «Полжизни — на лошади, пол — за письмом, штабным столом, всегда на трудно-сложной должности», — скажет он в «**Автобиографии**», хотя в личности Л. такие люди, как А. П. Чехов, находили явные артистические способности. Накануне Первой мировой войны вышел в отставку в чине полковника. С июля 1919 и до конца 1931 — вновь на штабной службе в Красной Армии (в частности, исполнял обязанности начштаба Петроградского погранкогорта). Разработал «Инструкцию по охране северо-западных границ» (1923), готовил кадры советских командиров-пограничников.

А. Н. Лесков

Первая публикация (в соавторстве с Е. Николитчем) — «**На границе и дома. Справочный календарь для низших чинов пограничной стражи на 1911 год**» (СПб., 1910; в библиотеках СПб. и Москвы не выявлена). 10 лет спустя Л. опубликовал воспоминания об отце (Вестник лит-ры. 1920. № 4–5, 7), начал консультировать исследователей-лесковистов, снабжая библиографическими и библи. сведениями А. И. Белецкого, С. П. Шестерикова, Б. М. Эйхенбаума и др.

С сент. 1932 по 1936 писал, печатая сюжетные фрагменты, 1-ю ред. книги «**Дни и труды Н. С. Лескова**» (иначе: «**Николай Лесков. Биографическое исследование**». В 6 ч., 72 главах), которой суждено было стать в итоге путеводителем в духовном мире великого писателя, уникальным мемуарно-документальным повествованием, основанным на всем фонде опубликованного и рукописного худож., публицистического, эпистолярного наследия отца, на богатстве впечатлений 30-летнего ближайшего общения. М. Горький, ознакомившийся в 1934 с отрывками книги, назвал ее «замечательно своеобразной работой <...> талантливейшего человека» и просил своего помощника по руководству Пушкинским Домом В. А. Десницкого помочь скорейшему изданию монографии в уверенности, что вскрытые ею «мощи» Н. С. Лескова «окажут чудодейственное влияние на оздоровление русского языка, на ознакомление с его красотой и остротой, гибкостью и хитростью» (Горький М. СС: В 30 т. М., 1956. Т. 30. С. 582).